Цѣна 2 коп.

Приказъ Вильгельма

МОСКВА.
Типографія т/д. Кинеловскій и К°. Тверская, 70. Тел. 5-50-72.
1914

• • ТРЕБУЙТЕ • •

ЦѢЛЕБНОЕ МЫЛО

„Южное счастье

являющіеся наилучшимъ средствомъ для уничтожен

веснушекъ, желтыхъ пятенъ, угрей всевозможны

прыщей, черныхъ точекъ и т. п.

Цѣна куска 50 коп. ½ куска 30 коп.

требуйте всюду.

Новосты!

Для бѣлизны лица вода

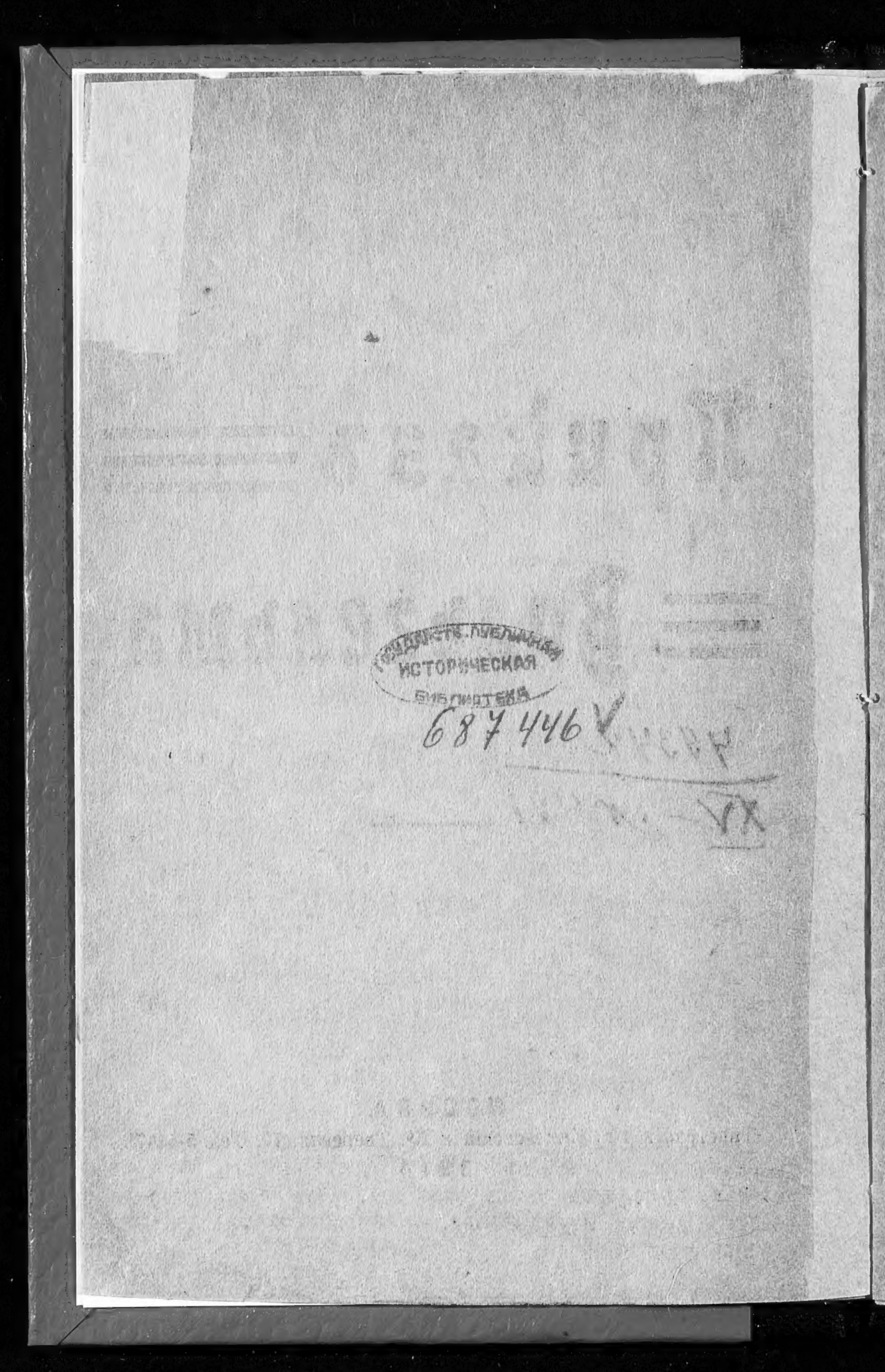
„Южное счастье“

ПРОДАЕТСЯ ВСЮДУ

по цѣнѣ 1 руб. 25 коп., 2 и 3 руб.

Приказъ Вильгельма

МОСКВА.
Типографія т/д. Кинеловскій и К°. Тверская, 70. Тел. 5-50-72.
1914

Приказъ Вильгельма.

— Ну, что согласенъ?!
— Ну, конечно.
— Тогда приготавливайся.
— Чего мнѣ приготавливаться, я уже готовъ, съ собой брать ничего не буду.
— Ну, прощай, до завтра.
— Прощай.

* *
*

— Молодецъ, позаботился, я не думалъ, что ты такъ рано придешь, вѣдь сейчасъ только пять, темно, испачкаемся какъ черти.
— Ничего.
— Какой ничего, вѣдь всю ночь шелъ дождь, грязи навѣрное по колѣно, черезъ Вьюнку захлебнешь сейчасъ сапоги и по дорогѣ идти неспособно, лучше подождать разсвѣта.
— Пойдемъ, а то непоспѣемъ на шестичасный.
— Да ты и вправду говоришь, верстъ шесть вѣдь будетъ?
— Шесть не шесть, а пять наберется.
— Тогда пойдемъ.
— Пойдемъ.

И они пошли, пошли послужить родинѣ, съ мыслью рпославиться, стать извѣстными, съ намѣреніемъ, если удастся, поколотить какъ можно больше нѣмцевъ, и охладить пылъ ихъ кайзера, и дѣйствительно имъ удалось многое.

* *
*

— Өедоръ, что-то вонъ тамъ?
— Гдѣ?
— Вонъ, видишь, чернѣется.
— Такъ что-нибудь.
— Нѣтъ, это ктой-то идетъ сюда, да вѣрно, не ошибаюсь, идутъ четверо, давай спрячемся.
Они спрятались, приготовивъ ружья, стали ждать.
— Өедоръ, вѣдь это нѣмцы, цѣлься.
— Пусть поближе подойдутъ.
— Ну, смотри въ оба.
Подождавъ минуты двѣ, подпустивъ ихъ поближе, они выстрѣлили чуть ли не въ упоръ.
Два нѣмца повалились, наши молодцы недолго думая выскочили изъ засады и бросились къ нѣмцамъ, видя, что тѣ не обороняются, они обезоружили ихъ и доставили въ Ревельскій полкъ.
Получивъ позволенія дѣйствовать самостоятельно они опять пошли искать приключеній.
— Өедоръ, а вѣдь недурно намъ-бы теперь отдохнуть?
— Вонъ, въ энтой деревни отдохнемъ.
— Я что-то усталъ.
— Какъ же неустать, вѣдь верстъ пятьдесятъ прошли.
— Өедоръ, я думаю сегодня письмо послать домой, что-то сердце щемитъ.
— А откуда пошлешь?
— Верстахъ въ пяти отсюда есть почта, мнѣ попавшій въ лѣсу человѣкъ сказалъ.
— Что-же, мы туда пойдемъ?
— Зачѣмъ?! Мы изъ деревни пошлемъ кого-нибудь.
— А есть-ли кто въ деревнѣ? Вѣдь нѣмцы верстахъ въ десяти отсюда.
— Ну, такъ что-жъ?

— Какъ что-жъ?! Навѣрное всѣ уѣхали, я думаю, наврядъ ли кто пожелаетъ остаться испытать на себѣ звѣрства проклятыхъ нѣмцевъ.
— Вотъ увидимъ.
Они стали подходить къ деревни, едва только они взошли въ деревню, какъ ихъ со всѣхъ сторонъ окружили, стали допрашивать.
— Вы кто?
— Свои.
— Какой свои, давайте обыщемъ ихъ.
— Что, вы господа, вотъ, смотрите удостовѣреніе воинскаго начальника.
— А зачѣмъ вы сюда пришли?
— Мы вольныя развѣдчики.
— Гдѣ сейчасъ нѣмцы?
— Верстахъ въ 10.
— Куда вы идете?
— Сегодня рѣшили остановиться въ вашей деревни, а завтра чуть свѣтъ отправимся въ Кольно, верстъ тридцать отсюда.
— Знаемъ, тамъ сейчасъ ожидаютъ со дня на день боя.
— Да мы и идемъ туда сразиться.
— Ну, идемте въ избу, дождикъ накрапываетъ, да и свѣжевато.
— Идемъ.
Насъ ввели въ чистую, большую избу, въ переднемъ углу висѣли старинныя образа, по стѣнамъ портреты русскихъ государей, полководцевъ.
Стоялъ большой столъ, стульевъ не было, вмѣсто ихъ были у стѣнъ широкія лавки, на столѣ стоялъ большой, желтой мѣди самоваръ, съ десятокъ чашекъ, ваза сахару, чугунъ отварнаго картофеля, коврига хлѣба, соль.
Насъ пригласили садиться.
Мы сѣли, давъ намъ закусить и напиться чаю,

стали разспрашивать, давно ли мы пріѣхали, какъ думаемъ, скоро ли кончится война, что говорятъ въ Москвѣ объ войнѣ, какія въ нашей губерніи хлѣба и т. п.

Послѣ чаю мы легли спать на соломенныхъ тюфякахъ и заснули богатырскимъ сномъ.

* * *

На другой день мы проснулись рано, стояла очень скверная погода, шелъ дождь, дулъ порывистый холодный вѣтеръ, несмотря на такое раннее время, для насъ уже приготовили самоваръ. Напившись чаю мы ушли отъ гостепріимнаго хозяина, невзявшаго съ насъ ни одного гроша.

* * *

Товарищи! Кто желаетъ на вылазку, поднимите руки.

Иванъ Савельевъ и Өедоръ Ивановъ (наши герои) подняли первыя руки, за ними подняли руки еще человѣкъ десять.

— Довольно братцы, приготовьтесь, часовъ въ девять выходите на 16 оипбокъ у пятой роты.

— Рады стараться ваше благородіе.

Время тянулось очень медленно, Иванъ то и дѣло спрашивалъ, не пора ли, ему отвѣчали, что ты, сейчасъ только семь, еще два часа ждать.

И эти два часа нашимъ героямъ показались вѣчностью.

Наконецъ желаемое время приближалось и охотники въ числѣ одиннадцати человѣкъ, какъ тѣни, тихо, безъ всякаго шума стали приближаться къ назначенному мѣсту, гдѣ ихъ уже ждали.

— Ну, господа, теперь тише, раздѣлимся на двѣ партіи, изъ третьей роты за мной, а вторую поведетъ Фельдфебель.

Кучка народу раздѣлилась, одни пошли за Михайловымъ, другіе остались съ Фалѣевымъ, наши герои пошли съ Михайловымъ.

— Господа, поосторожней, если мы порученіе исполнимъ, то всѣхъ насъ оставшихъ въ живыхъ наградятъ, мы сдѣлаемъ громадную услугу. Эту проклятую громадину намъ нужно во что-бы то ни стало испортить, а то ея чемоданы намъ не дадутъ покоя.

— А вы помните инструкція.

— Какъ же вашеблагородіе.

— То то, воды не жалѣйте, штабсъ-капитанъ Нестеровъ говоритъ, что воды около ней много, вырыть колодезь.

— Ну, тише, въ крайнемъ случаѣ себя постарайтесь продать, какъ можно дороже, живыя въ руки недавайтесь.

— Рады старатся вашеблагородіе.

— Ложись! Ползкомъ ползи, смотри въ оба.

Ночь была темная, въ трехъ шагахъ ничего не видно.

Наши смѣльчаки благополучно миновали стражу, стали подкрадываться къ громадинѣ.

— Стой ребята! Прошляковъ, Пересунько, Бычковъ, за мной.

— Ты Ивановъ прими команду, какъ только услышишь взрывъ.

— Нападай, въ случаѣ, если черезъ полчаса взрыва не будетъ.

— Пошли кого-нибудь или постарайся самъ взорвать громадину.

— Радъ стараться.

Четверо отдѣлились отъ партіи, поползли на вѣрную смерть.

Они взяли на себя трудъ, взорвать нѣмецкую громадину и дѣйствительно они порученіе свое испол-

ляли, это дѣло стоило имъ трехъ жизней, остался только Бычковъ.

Едва только послышался взрывъ, Ивановъ съ оставшимися восемью человѣками набросился на спавшихъ нѣмцевъ, сталъ рубить направо и налѣво, рядомъ съ нимъ шелъ Савельевъ. Они потеряли чувство, глаза ихъ налились кровью, они какъ бы потеряли самообладаніе, кидались на непріятельскіе штыки. Савельевъ получилъ уже нѣсколько ранъ, кровь лилась изъ него ручьемъ, но онъ ни на минуту не переставалъ работать, лѣзъ въ самые частые ряды враговъ и рубилъ ихъ безъ пощады. Ивановъ вбѣжалъ въ шатеръ, тамъ было три нѣмецкихъ офицера, онъ кинулся на нихъ,—они не ожидали ничего подобнаго, растерялись и не сочли нужнымъ защищаться, онъ ихъ моментомъ зарубилъ, но за это самъ поплатился жизнью. Едва только онъ вышелъ изъ палатки, какъ его ударилъ шашкой подоспѣвшій врагъ.

Команду принялъ Савельевъ, скомандовалъ оставшимъ отступать къ своимъ. Осталось только двое, остальные были убиты. Не успѣли отступить и пятидесяти шаговъ, ихъ окружили человѣкъ 30—40, предлагая сдаться, Савельевъ и оставшіе съ нимъ [illegible] сдались, ихъ обезоружили.

Тѣ, которые пошли съ Фадѣевымъ, сдѣлали тоже многое, они сумѣли взорвать пороховые ящики, убить до 25 нѣмцевъ, потерявъ одного убитымъ силою взрыва.

— Г-нъ поручикъ, шпіоновъ привели.

— Давай ихъ сюда.

— Сію минуту.

— Вы кто? спросилъ ломанымъ русскимъ языкомъ пойманныхъ героевъ нѣмецкій поручикъ.

— Мы русскіе.

— Гдѣ васъ поймали?

— Въ серединѣ 17. полка.

— Шпіонствомъ занимаетесь?

— Никакъ нѣтъ.

— Зачѣмъ же зашли въ нашъ полкъ, по чьему приказанью?

— Добровольно.

— Обыскать ихъ.

Нашихъ героевъ стали обыскивать, у Савельева нашли въ карманѣ два письма.

— Это ваши письма.

— Да, мои.

— Кому вы ихъ хотѣли передать?

— Послать на родину.

Поручикъ распечаталъ письма и сталъ читать, по прочтенію велѣлъ насъ препроводить въ Дулефорсъ подъ усиленнымъ конвоемъ съ главнымъ надсмотромъ за мной.

* *

— Товарищъ! что же у тебя было въ письмахъ написано,

— Одно я посылалъ отцу, въ немъ описывалъ звѣрства проклятыхъ нѣмцевъ, описалъ ужасы Калиша, упомянулъ объ истязаніи Ломжинскихъ крестьянъ, отказавщихъ отдать свою послѣднюю одежду, про мѣстечко Пѣтушки гдѣ были изрублены всѣ дѣти, изнасилованы дѣвушки, взяты въ плѣнъ старики и отправлены въ нѣмецкіе ряды всѣ могущіе держать оружіе, про мѣстечко Харичи около Ложбицъ, гдѣ изъ дѣвицы Маріи Савельевны Перовской вырѣзали изъ спины ремни за то что она отказалась провести ночь съ нѣмецкимъ офицеромъ, про Калиновича, гдѣ пытали троихъ мѣстныхъ крестьянъ, которымъ отрѣзали пальцы у рукъ и ногъ, носъ, уши, выжгли глаза и т. п.

— Второе письмо писалъ къ своимъ оставшимъ въ деревнѣ товарищамъ, которыхъ призывалъ къ возстанію противъ нѣмцевъ и австрійцевъ, совѣтывалъ имъ

покинуть родительскіе дома идти защищать ихъ мать родину русскую землю, Православнаго Царя, совѣтывалъ испытать свою силу на полѣ брани, доказать нѣмцамъ, что они несправедливо называютъ насъ свиньями и т. п. словомъ, я написалъ то, что я видѣлъ.

— Молодецъ.

— Братцы видѣли, какъ ихъ поручикъ мѣнялся въ лицѣ, когда читалъ письма.

— Какъ-же ему не мѣняться, чай ему стыдно, вѣдь онъ же не нѣмецъ.

— Молчать!

Окрикнулъ нашихъ молодцовъ конвой.

Разговоръ наши молодцы прикончили, пошли молча шли такъ до привала.

Придя на привалъ, нашимъ молодцамъ дали по куску хлѣба, по кружкѣ воды, заперли въ сарай.

* *
*

— Какъ же быть то? вѣдь безъ оружія съ нами и одинъ нѣмецъ справиться.

— Ружья мы достанемъ.

— Гдѣ же достанемъ?

— Нападемъ на конвой перебьемъ его, они сейчасъ навѣрное всѣ спятъ.

— Хорошо-бы.

— Ну таше Бычковъ, вылѣзай первый, я за тобой мы ударимъ съ правой стороны, а ты Курочкинъ съ Гнидочкинымъ съ лѣвой, смотрите безъ шуму.

Наши смѣльчаки вылѣзли изъ сарая, напали на конвой, перебили его, взяли оружіе и сумѣли дойти никѣмъ незамѣченные до своихъ.

* *
*

— Гдѣ ихъ высокоблагородіе?

— Вамъ на что?

— Передать имъ бумаги.
— Сейчасъ доложу.

. . . .

— Войдите!
— Вольно! Присядьте, разскажите, что у васъ есть.
— Ваше высокоблагородіе, мы въ числѣ 28 человѣкъ 13 числа с./г. пошли на вылазку съ намѣреніемъ уничтожить нѣмецкую громадину. Уничтожили. Вамъ навѣрное объ этомъ извѣстно.
— Да, знаю.
— Насъ взяли въ плѣнъ.
— Всѣхъ?
— Нѣтъ только 4-хъ. Остальныя изъ нашей партіи пали.
— Что же вы изъ плѣна удрали?
— Такъ точно.
— Молодцы, я васъ безъ вниманія не оставлю, можете идти, ваши фамиліи сообщите ротному.
— Ваше высокоблагородіе, у насъ есть нѣмецкія бумаги, мы взяли у убитыхъ нами конвойныхъ.
— Дайте ихъ сюда.
— Ахъ они стервецы, неужели это приказъ Вильгельма, если его, то онъ на самомъ дѣлѣ сумасшедшій кровопійца, что онъ дѣлаетъ?—Онъ приказываетъ добивать раненыхъ, бить мирныхъ жителей, ни давать пощады ни женамъ, ни старцамъ, ни дѣтямъ, всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ приказываетъ ставить въ первые ряды.—Это уже совсѣмъ безчеловѣчно,—это недопустимо, безумное звѣрство.—Васъ молодцы поздравляю георгіевскими кавалерами и впредь васъ не оставлю.

